

С. Я. Козлов

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР РОДОВОГО ОБЩЕСТВА

(ЗАМЕТКИ В СВЯЗИ С ДИСКУССИЕЙ)

Дискуссия по поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации»¹, развернувшаяся на страницах «Советской этнографии», на мой взгляд, интересна и весьма полезна. Она показала, как много еще принципиальных проблем теоретической этнографии ждут своего исследования. Статья М. В. Крюкова (как и другие выступления) была вызвана необходимостью обобщить введенный в научный оборот за последние десятилетия большой фактический материал, относящийся к доклассовому периоду истории человечества; она была и своеобразной попыткой преодолеть существующие среди советских этнографов разногласия во взглядах на род, родовую общину, патронимическую организацию, а также попыткой уточнить и унифицировать применяемую терминологию. Однако отклики на статью М. В. Крюкова, как мне кажется, свидетельствуют о том, что решить эту трудную задачу ему не удалось. Этнографии известны самые различные типы и формы родственно-хозяйственных коллективов, объединений, которые существовали у народов мира на различных этапах родового строя. Вряд ли возможно сконструировать такую форму социальной организации, как бы она ни была названа, которая бы обнимала все разнообразие реально существующих форм, и совсем не случайна та расплывчатость, которая характеризует универсальный «клан» М. В. Крюкова. Всякое социологическое обобщение должно соответствовать тем конкретным историческим реалиям, которые оно обобщает, указывая на их важнейшие, существеннейшие черты.

Существующая в настоящее время терминологическая разногласия, когда одно и то же название определяет различные социальные формы, объясняется не столько нехваткой «вакантных» терминов, сколько неопределенностью и противоречивостью в понимании сущности этих институтов, их природы, их функционального взаимодействия, их реального соотношения. В самом деле, советским этнографам хорошо известно положение Л. Моргана — Ф. Энгельса о том, что род, будучи по своей природе экзогамным, не может состоять из семей. И в то же время, как отметил М. В. Крюков, в работах весьма авторитетных исследователей мы встречаем утверждения, «что род у того или иного народа состоит из семей»². М. В. Крюков называет в этой связи работы Л. А. Файнберга, Б. О. Долгих³, И. М. Дьяконова и, что показательнее всего, М. О. Косве-

¹ «Сов. этнография», 1967, № 6.

² М. В. Крюков, Указ. раб., стр. 85.

³ У Б. О. Долгих терминологическая «неупорядоченность» особенно бросается в глаза. См., например: «У тундровых энцев, нганасан и юкагиров в XVII в. выявляется ранняя форма отцовского рода, когда внутри большого экзогамного рода или в племени формируются родовые группы вокруг наиболее

на («...родственные патронимии образуют в совокупности патриархальный род») ⁴. С. М. Абрамзон в своей недавней работе «Энгельс и некоторые вопросы социального строя кочевых обществ» говорит то же, что и М. О. Косвен: «В этот период (имеется в виду период становления военной демократии.— С. К.) патриархальный род выступал, по-видимому, как объединение ряда общин, напоминавших «патронимии»; каждая из них представляла группу наиболее близко связанных друг с другом патриархальных семей» ⁵. Это бросающееся в глаза противоречие невозможно объяснить тем, что автор не различает род и так называемый «третий тип социальной организации...» (М. В. Крюков)—патронимию; вряд ли возможно упрекнуть этих авторов также и в том, что они не понимают природу рода как экзогамного коллектива. Еще труднее, очевидно, «обвинить» в этом самих Л. Моргана и Ф. Энгельса, которые, указывая неоднократно, что семья не включается в род, что семья стоит вне социальной структуры родового общества, в других случаях, при конкретном описании той или иной родо-племенной структуры, говорили о семье как о важной ее ячейке (см. об этом ниже). Попытаемся объяснить это противоречие, разобраться, действительное ли оно или только кажущееся.

Прежде всего, по-видимому, необходимо признать тот факт, что термин «род» употребляется в нашей литературе в двух различных смыслах. Во-первых, имеется в виду генеалогический коллектив, объединение всех кровных родственников, ведущих свое происхождение от одного предка, с женской или мужской филиацией. Во-вторых (и в этом смысле термин «патриархальный род» употребляется особенно часто), имеется в виду социальная структура, включающая всех членов данной родственно-хозяйственной группы, будь то родовая община (в эпоху материнского рода), «мёрдокровский» клан, группа родственных семей (патронимия) и т. п. Может показаться, что обрисованная выше проблема просто надумана: достаточно договориться называть генеалогическую группу кровных родственников «родом», а родственно-хозяйственное объединение, ядром которого являются члены данного рода,—«кланом» (или как-нибудь иначе). Но дело обстоит гораздо сложнее. Вопрос этот связан с большой теоретической проблемой. Одной из ее сторон является неудовлетворительный еще во многих случаях теоретический анализ конкретных социальных структур, существовавших на различных этапах доклассового общества; другой стороной, теснейшим образом связанной с первой,—недостаточная разработанность периодизации социальной истории доклассового общества. Здесь нельзя не вспомнить статью Ю. И. Семенова «О периодизации первобытной истории» ⁶. Некоторые положения этой статьи спорны, ее очевидным недостатком является отсутствие фактической аргументации. Здесь, однако, хочется сказать следующее. То, что автор (кстати, ссылающийся на широкий круг источников, от материала которых он в значительной степени и отталкивается в своих построениях) не приводит примеров тех или иных форм рода и хозяйственных коллективов, вовсе не означает, что таких примеров не существует. Большинство из логически реконструируемых Ю. И. Семеновым социальных институтов вполне укладываются в реально существующие формы материнского и отцовского рода, различных типов родственно-хозяйственных коллективов. Заслуга Ю. И. Семенова состоит в том,

мощных семей. Именно эти роды являлись, как правило, производственными единицами. Поздние малые роды, ответвления больших родов, представляли обычно лишь генеалогические единицы (патронимии)» (Б. О. Долгих, Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири, М., 1964, стр. 7. Разрядка наша.— С. К.).

⁴ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 121.

⁵ «Ленинградское отделение Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Тезисы докладов годичной научной сессии 1969 г.», Л., 1969 (в дальнейшем — «Тезисы...»).

⁶ «Сов. этнография», 1965, № 5.

что он последовательно рассматривает доклассовое общество как огромный этап истории, во время которого человечество пережило существеннейшую трансформацию, осуществлявшуюся в рамках различных социальных институтов. Сущность этой трансформации невозможно вполне понять, оперируя лишь такими широкими категориями, как материнский и отцовский род, некий универсальный «клан» и т. п. Вот почему совершенно недостаточно ограничиться договоренностью о смысловом разграничении терминов «род» и «клан» и почему неслучайно то «фэрмотворчество» и «терминотворчество», которые мы находим в названной выше статье Ю. И. Семенова. Можно дискутировать о терминах «родовая коммуна», «клан», «семейно-клановый коллектив», «клановое ядро», «генс», «семейно-гентильная община», равно как и о соответствующих им структурах. Но представляется совершенно бесспорным, что сегодня нам нужна более разработанная схема периодизации социальной истории первобытности, которая базировалась бы на новейших достижениях в области политической экономии, социологии и конкретной истории доклассового общества.

Одним из проявлений слишком обобщенного подхода к социальным институтам родового общества, когда не учитывается вся диалектика их функционирования и взаимодействия, является несколько странная дискуссия о том, что было основной ячейкой доклассового общества — род или община. Род и та или иная форма общины, — от первобытной коммуны (согласно различным точкам зрения, первоначально совпадавшей с материнским родом или никогда с ним не совпадавшей) до первобытной соседской общины, возникающей в период разложения родового строя, — существовали, взаимно переплетаясь и обуславливая реальное функционирование друг друга. Каждая из этих ячеек играла свою роль в обществе. Если община была хозяйственным коллективом, то род определял и регулировал управление, семейно-брачные отношения, наследование, культ и т. д. И независимо от того, был или не был род производственным коллективом, именно он вплоть до начального этапа классового общества владел землей и общеродовым имуществом; и так было не только теоретически, потому что ядром каждой конкретной общины были члены данного конкретного рода, по нормам которого и жила эта община.

Практически род не существует вне хозяйственных коллективов, состоящих из членов разных родов, равно как вся жизнь этих коллективов проходит на основе родовой организации, конкретнее — в рамках социального организма, каким является каждый данный род. Ведь ядро, а часто и абсолютное большинство каждой общины составляли люди одного рода. Возможно, стоит подумать, нужно ли на современном этапе наших знаний и представлений о первой общественно-экономической формации ставить вопрос об одной основной, главной ячейке первобытности; и можно ли вообще говорить так альтернативно об основной ячейке целого громадного периода человеческой истории? Если, допустим, на первых его этапах такой ячейкой был материнский род, то в дальнейшем эту роль могла играть та или иная форма общины, патристическая организация, большая семья и т. д. Принципиально альтернативная постановка вопроса: или — или, или род, или община, — целиком и полностью проистекает из неоправданно обобщенного подхода к родовому обществу в целом и к различным его институтам в частности.

Нам могут возразить, что существует выдвинутое Морганом и убедительно поддержанное Энгельсом положение о том, что основной фундаментальной ячейкой первобытного общества был род, — положение, которое разделяется большинством советских этнографов. «... Род представляет собой учреждение, общее для всех народов вплоть до их вступления в эпоху цивилизации и даже еще позднее...»⁷. Морган и Энгельс пока-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 86.

зали, что род лежал в основе всей общественной структуры первобытности («... мы видим также, что колы скоро основной общественной ячейкой является род, из него с почти непреодолимой необходимостью... развивается вся система родов, фратрий и племен»), и не только в эпоху материнского рода, которую Энгельс называет временем «расцвета родового строя», но и в эпоху отцовского рода⁸. Излишне, по-видимому, напоминать, что эти выводы и Л. Г. Моргана, и Ф. Энгельс обосновали большим фактическим материалом.

Думается, что невозможно отрицать или хотя бы преуменьшить роль рода, родовой организации в социальной истории человечества. Можно, по-видимому, говорить о роде как об основной, фундаментальной ячейке первобытного общества в том смысле, что это была исходная форма социальной организации людей, социальный организм, на основе которого развились все последующие общественные структуры. Родовая организация «... была тем орудием, посредством которого общество было организовано и сохранялось»⁹; род, его институты, созданная им идеология, его традиции и обычаи играли важнейшую роль в жизни человеческого общества.

Советские этнографы, развивая учение Моргана — Энгельса о родовой организации и подкрепляя его новыми фактами, в то же время внесли серьезный вклад в анализ структуры доклассового и формирующегося классового общества, проделав большую работу по выяснению роли и места родовой общины, большесемейной общины, патронимической организации, ранней соседской общины и других социальных форм, которые во времена Моргана — Энгельса были исследованы относительно слабо. Изучение общины показало ее важную роль как коллектива, в рамках которого осуществлялась производственная деятельность и протекала значительная часть жизни людей. В теоретической этнографии возникла проблема соотношения рода и родовой общины. Нельзя не согласиться с Н. А. Бутинным, когда он констатирует, что община как социальная структура исследована пока сравнительно меньше, чем род, что «проблема соотношения родовой общины и рода — это очень сложная и разветвленная проблема, и ее надо разрабатывать конкретно в связи с такими институтами, как территория общины (родовая или общинная территория), вождь общины (родовой или общинный вождь) и т. п. При этом однозначное решение (община или род) в принципе невозможно... Общинные и родовые линии скрещиваются и переплетаются, и проблема состоит именно в выявлении соотношения между ними»¹⁰. Трудно что-либо возразить против такой постановки вопроса, против такого подхода к проблеме. Тем более странным представляется пожелание того же автора о «возведении общины, не совпадающей с родом, на тот пьедестал (основная ячейка первобытности), на котором до недавних пор стоял род ...»¹¹.

Гораздо более реалистическим представляется мне подход к этой проблеме Ю. В. Маретина. В опубликованных тезисах его доклада «К вопросу о роде и родовой общине»¹² сделана интересная попытка преодолеть теоретическое противоречие «род — община» (приходится говорить именно о теоретическом противоречии, ибо в реальной действительности первобытных обществ, изученных и описанных этнографической наукой, противоречие, или, вернее, соотношение «род — община» не выглядит так резко, так акцентированно, как в теоретических работах!). Ю. В. Маретин говорит сразу о двух основных социальных ячейках:

⁸ Там же, стр. 97, 99, 100.

⁹ Л. Г. М о р г а н, Древнее общество, Л., 1934, стр. 38.

¹⁰ Н. А. Б у т и н о в, Община, семья, род, «Сов. этнография», 1968, № 2.

¹¹ Там же.

¹² «Тезисы...», стр. 10—15.

«... в первобытном обществе в качестве основной экономической и социальной ячейки выступал не род в генеалогическом смысле слова, т. е. не однолинейная группа кровных родственников, а производственный коллектив, в который входили представители одного рода в качестве его основы (или ядра) и их партнеры по браку из другого рода (родов) — это была родовая община»¹³. В то же время несколько ниже о роде говорится как об «основной общественной ячейке»¹⁴. Что это — противоречие, промежуточная позиция или действительно диалектический подход к проблеме? Хочется думать, что справедливо последнее предположение. Такие «ключевые понятия» первобытного общества, пишет Ю. В. Маретин, «как род и община, обозначают основные ячейки общества на соответствующем этапе развития, отражая разные стороны существования этого общества»¹⁵. Думается, что исследование проблемы соотношения рода и общины в таком плане является наиболее перспективным.

Если обратиться к материалу о патрилокальных общинах (периода отцовского рода), где жена адаптировалась родом мужа и фактически становилась членом этого рода, то спор о соотношении рода и общины в том аспекте, в каком он сейчас ведется (какому институту принадлежит ведущая роль?), представляется уже попросту надуманным. Вспомним хотя бы, что писал в этой связи Морган, характеризуя греческий род. Отмечая, что брак вряд ли «прекращал всякую связь замужней с ее родом, и жена, несомненно, продолжала считаться (именно «считаться», т. е. числиться чисто теоретически. — С. К.) принадлежащей к роду своего отца», Морган подчеркивает, что фактически она полностью адаптировалась родом мужа: «Женщина с замужеством теряла право на участие в религиозных обрядах своего рода и приобретала то же право в роде мужа»¹⁶. И далее, ссылаясь на источники, он отмечает всеобщность этого правила. «...Включение жены в род мужа (выделено нами. — С. К.) устанавливает и Германи: „Каждая новобрачная... зачислялась во фратрию своего мужа“»¹⁷. Что же касается римского рода, то Морган пишет, что «с замужеством женщина подвергалась тому, что называлось технически лишением прав или потерей личности..., причем она теряла свои агнатические права, ...— правило, не допускавшее исключений. Оно имело целью воспрепятствовать переходу имущества путем брака из одного рода в другой, из рода, к которому женщина принадлежала по рождению, в род ее мужа»¹⁸, т. е. практически, перейдя в род и общину мужа, она переставала сколько-нибудь реально быть членом своего рода. М. В. Колганов специально подчеркивает, что адаптация жены родом мужа и переход детей в род отца привели к тому, что «семья, раньше распадавшаяся между двумя родами, стала составной частью рода»¹⁹ — патриархального рода, который по своему социально-экономическому содержанию коренным образом отличался от материнского рода. Однако в отличие от М. В. Колганова мы считаем, что отцовский род как единая производственная община — институт скорее гипотетический, чем реальный. Приводимые М. В. Колгановым примеры таких родовых патриархальных общин²⁰ малочисленны и весьма неубедительны. Где доказательство того, что речь идет здесь не о патронимических группах или больших патриархальных семьях? Сам же М. В. Колганов признает, что «часто многие авторы смешивают обе эти общины и, говоря об отцовской родовой общине, имеют в виду патриархальную домовую об-

¹³ «Тезисы...», стр. 12.

¹⁴ Там же, стр. 13.

¹⁵ Там же, стр. 14.

¹⁶ Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 130; см. также К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 101.

¹⁷ Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 130—131. О том же см. на стр. 137.

¹⁸ Там же, стр. 164, 167.

¹⁹ В. М. Колганов, Собственность, М., 1962, стр. 43.

²⁰ Там же, стр. 136—138.

щину» (стр. 138). Об этом же говорит и Ф. Энгельс, характеризуя понятие *genealogia* из «Алеманнской правды»²¹. «Еще долго можно будет спорить о том,— заключает Ф. Энгельс,— был ли хозяйственной единицей род, или ею была домашняя община, или какая-нибудь промежуточная между ними коммунистическая родственная группа, либо же, в зависимости от земельных условий, существовали все три группы»²².

Важно отметить также, что обычай приема в род по браку (известный также и у некоторых народов с материнско-родовой организацией, например, в Индонезии) характерен для эпохи разложения родового, первобытнокоммунистического общества, эпохи зарождения и развития частнобуржуазных отношений в рамках еще функционировавшей родо-племенной системы.

Что же касается существа различия между материнским и отцовским родом, то дело здесь, конечно, не столько в характере филиации и локальности брака, сколько в уровне социально-экономического развития сравниваемых обществ. Современной этнографии хорошо известны высоко развитые матрилинейные общества, которые находились накануне превращения в классовые, либо были уже таковыми (например, индейцы кватиотли, тлинкиты, микронезийцы, минангкабау Суматры, ашанти и другие африканские народы), и, в то же время, весьма примитивные общества с отцовским счетом родства (например, австралийцы севера и северо-запада материка). Но эти примеры говорят лишь о том, что переход к раннеклассовому обществу может происходить и в форме «позднего матриархата», в рамках матрилинейной организации; крайне же примитивный уровень некоторых патрилинейных обществ (тех же австралийцев) можно объяснить специфическими историко-географическими условиями, которые препятствовали их социально-экономическому прогрессу. Все это нисколько не противоречит, однако, одному из основных положений марксистской науки о первобытности, которое утверждает, что исторически первой, ранней формой социальной организации людей был материнский род, что переход к отцовскому роду, к патрилинейности и патрилокальности произошел в результате важнейших изменений в характере производства и отношений в обществе, т. е. что исторически отцовский род был более поздней и более развитой социальной структурой.

Я думаю, что если в тех или иных работах мы встречаемся с утверждениями, что род состоит из родственных патронимий, или из семей, или из групп семей, либо объединяет несколько родовых общин и т. п. (причем почти всегда в таких случаях речь идет о позднем, чаще всего отцовском роде), то это вовсе не означает возврата ко временам Нибура и Моммзена. Это не означает также, что моргановское понимание сущности рода устарело и должно быть пересмотрено. И предположение М. В. Крюкова, о том, что «за род ошибочно принимается институт, относящийся к третьему, самостоятельному типу социальной организации», весьма малоосновательно. Ибо, «начиная с конца», нет «третьего» (наряду с родом и большой семьей) типа социальной структуры, а есть «третьи» типы, т. е. различные формы родственно-хозяйственных объединений (в том числе и патронимии), функционировавшие на основе родовой организации на различных этапах ее существования, что подтверждает большой и разнообразный историко-этнографический материал. Кстати, коль скоро уж речь идет о «третьем» или «третьих» типах, то, может быть, стоит подумать, сколь правомерно говорить о едином «первом» типе, т. е. о роде «вообще»?

Как известно, Ф. Энгельс очень четко различал «первичную форму», материнский род, и «более поздний род, организованныйсообразно

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 134, 135.

²² Там же, стр. 140.

отцовскому праву, — тот род, какой мы находим у культурных народов античности...», причем родом, характерным для первобытного общества, строго говоря, «собственно» родом, Энгельс считал именно «род, основанный на материнском праве». «Ниспровержение» материнского права, введение отцовского права, постепенный переход от парного брака к моногамии — все эти важнейшие социальные трансформации, подчеркивает Энгельс, означали закат «древнего родового строя», начало его конца²³. Отцовский род — фактически новый социальный институт, соответствующий новому периоду человеческой истории, имеющий с предшествовавшим ему материнским родом лишь некоторые общие чисто формальные черты. Так не должны ли и мы в своих исследованиях всегда строго различать два весьма отличных типа родовой организации — собственно «род» (материнский род) и «поздний род», который может быть как материнским, так и отцовским, что, несомненно, устранил многие противоречия и недоразумения?

Что касается сущности рода, по крайней мере такой важнейшей его черты, как экзогамия и вытекающие из нее последствия, то она понимается большинством советских этнографов довольно единообразно, из чего следует и понимание того, что семья не была и не могла быть ячейкой рода, — материнского рода. Иначе обстоит дело с поздним родовым строем, где важнейшую роль стали играть большесемейная община и патронимическая организация. Теперь женщина, в большинстве случаев всецело подчиненная мужчине (покупаемая или выкупаемая им), практически порывала со своим родом, становясь членом рода мужа. О таком роде, пожалуй, можно говорить, констатируя реальное положение вещей, что он состоял из семей. В своей статье М. В. Крюков отвергает даваемое Б. О. Долгих пояснение относительно того, что моргановское определение рода связано с арханческим, материнским родом, «в отличие от которого поздний, патриархальный род состоит из семей»; М. В. Крюков считает такое объяснение несостоятельным, ибо, как он пишет, «свое определение рода Морган дает в связи с анализом римского генса, который характеризуется им как патриархальный род»²⁴.

Что можно сказать в этой связи?

Прежде всего, важно отметить, что моргановское определение рода связано с анализом не столько римского генса, сколько ирокезского рода, который, как известно, был материнским родом. Морган, действительно, неоднократно проводит мысль (и тогда, когда он говорит об отцовском роде, греческом или римском), что род не может состоять из семей, что семья не является органической ячейкой рода²⁵. Ф. Энгельс энергично поддерживает эту идею Morgana: «... при родовом строе семья никогда не была и не может быть ячейкой общественной системы, потому что муж и жена неизбежно принадлежали к различным родам...»²⁶.

Но если внимательно продумать тот великолепный анализ доклассового общества, который проделали в своих трудах Л. Г. Морган и Ф. Энгельс, то можно убедиться, что, с одной стороны, разбираемое нами положение Morgana — Энгельса относится все-таки преимущественно к классическому, материнскому роду, а с другой — что семья вовсе не исключалась ими из общественной системы родового строя, в

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 223; т. 21, стр. 162.

²⁴ М. В. Крюков, Указ. раб., стр. 85, прим. 12.

²⁵ См., например: Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 132, 162. Кстати, следует обратить внимание на то, что одной из причин такого настойчивого подчеркивания этой идеи, помимо соответствующего понимания природы рода, была актуальная в то время (да и сегодня не утратившая своего значения) полемическая борьба с авторами, проводившими мысль об изначальности патриархальной моногамной семьи, из которой будто бы и развился род, а в дальнейшем — и вся социальная организация эпохи цивилизации, включая и государство.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 102.

особенности же позднеродового строя²⁷. Когда Морган, разбирая соотношение рода и семьи, пишет: «... род был однородной и в высшей степени стойкой организацией...», то, конечно же, он имеет в виду материнский род, ибо патриархальный род, за редкими исключениями, невозможно характеризовать таким образом. Следующая же фраза уже имеет непосредственное отношение к периоду отцовского рода: «Семья многогамного типа могла индивидуализироваться и приобрести значение в роде и вообще обществе, но род тем не менее не мог признать семью своей составной частью, ни зависеть от нее²⁸. Здесь речь идет о моногамной семье, т. е. о периоде позднего, разлагающегося родового строя. В этот период семья лишь формально не включается в традиционную схему «органической структуры» *societas*: род — фратрия — племя — нация (т. е. народ, конфедерация племен. — С. К.). Фактически же, как мы уже говорили об этом выше, отцовский род был не чем иным, как объединением семей или семейных групп (патронимий). Действительно, и в эпоху отцовского рода муж и жена обычно принадлежали к разным родам; но если учесть, что, переходя в семейную общину и род мужа, женщина фактически становилась членом этого рода, то семья была вполне органической ячейкой патриархального рода. Вспомним здесь же и такое важное явление, как начавшееся изживание экзогамии, не только право, но и обязанность вступать в брак внутри рода в определенных случаях (если дело касалось девушек-сирот или наследниц²⁹); у некоторых народов браки внутри рода (ортокузенные браки) получили весьма широкое распространение (например, у малагасийцев, некоторых африканских народов, у арабов и др.). Род мог формально не признавать семью своей составной ячейкой, но он не мог не признавать значение семьи как социальной ячейки, и это отмечают и Морган, и Энгельс. Так, и у греков, и у римлян принятие в род чужаков (усыновление) осуществлялось путем усыновления одной из семей, и, таким образом, «усыновленный вступал и в род, к которому принадлежало семейство»³⁰ (разрядка наша. — С. К.).

Таким образом, совершенно последовательно характеризуя род как экзогамную структуру, и Морган, и Энгельс в конкретных описаниях его второй, поздней формы — отцовского рода — вполне закономерно отмечают тот факт, что патриархальный род состоит из семей; и, следовательно, противоречие, которое можно было бы усмотреть в приведенных выше характеристиках, скорее мнимое, чем реальное. То же самое можно сказать и относительно противоречия в работах некоторых современных исследователей, на которое указал М. В. Крюков.

В заключение — несколько слов относительно терминов. Нет нужды доказывать, как важно называть вещи своими именами. Очень заманчиво, конечно, дать каждой из выделенных, изученных общественных форм первобытности свое имя, точный, строгий термин, характеризующий именно данную структуру, не накладывающийся ни на какую другую; одна из наших задач — всячески способствовать процессу совершенствования терминологии. Но сила традиции, как известно, очень велика, и в научной терминологии это проявляется не менее, чем где бы то ни было.

²⁷ Кстати, надо заметить, что когда Морган употребляет в своей работе термин «социальная система» или Энгельс говорит в цитируемом нами месте об «общественной системе», то они имеют в виду не «общество» в обычном социологическом значении этого слова, а моргановское *societas*, т. е. родовую организацию, «организацию социальную, основанную на родах, фратриях и племенах», в отличие от *civitas*, «организации политической, основанной на территории и собственности» (см. Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 7, 38).

²⁸ Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 132.

²⁹ Там же, стр. 129, 130, 131 и др.; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 101.

³⁰ Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 170; см. также стр. 131. У ирокезов же, в условиях материнского рода, усыновляла не семья, а отдельное лицо, при этом «усыновленный пленник или пленница становился по отношению к усыновившему его лицу братом или сестрой, а если усыновляла мать, то сыном или дочерью» (там же, стр. 48).

Думается, что структура, описанная М. О. Косвеню под названием «патронимия», будет еще очень долго называться именно «патронимией» (а не «кланом» или как-нибудь еще): термин этот прочно вошел в нашу этнографическую литературу. И большой беды здесь нет (при всем видимом несовершенстве этого термина). Гораздо важнее, чтобы было глубокое понимание самого института, обозначаемого данным термином. Точно так же и термин «род», очевидно, будет по-прежнему употребляться в том смысле, который вложили в него Морган и Энгельс; необходимо лишь очень четкое различие сущности стадийных форм этой важнейшей социальной структуры доклассового общества.

ON CERTAIN SOCIAL STRUCTURES OF GENS SOCIETY

(IN CONNECTION WITH THE DISCUSSION)

The author is of the opinion that the necessity and the possibility of recognizing a third universal type of social organization (besides the gens and the family) in pre-class society as proposed by M. V. Kriukov («Sovietskaya Etnografia», 1967, № 6) is insufficiently substantiated. The author of the present article objects to unwarranted generalizations in the approach to the social institutions of the gens society when the dialectics of their actual functioning and interrelationship is not taken into account.
